

*Филологические науки***К ВОПРОСУ О РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ
В СФЕРЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ**

Гаврилина И.С.

*Астраханская государственная
медицинская академия
Астрахань, Россия*

Подготовка к иноязычному общению специалистов тех профилей, в которых высказывания коммуникантов характеризуются повышенной речевой ответственностью, включает в себя формирование умений публичного выступления на иностранном языке в деловом и научном стилях речи.

В связи с этим необходимо подчеркнуть тот факт, что публичное выступление может осуществляться в различных жанрах, в частности, таких, как выступление и презентация.

Как известно, выступление – это сжатое, фрагментарное или относительно развернутое высказывание на профессиональную тему, содержащее рассмотрение определенного вопроса. Цель такого выступления – разъяснение той или иной проблемы, и в конечном итоге стремление склонить слушателей к принятию решения, необходимого выступающему. Презентация – это устное представление факта, явления,

предмета, содержащее его основные характеристики. Сопровождают презентацию иллюстрация отдельных положений с помощью рисунков, фотографий, графиков, таблиц, схем. Целью презентации является рекламирование, стимулирование того или иного акта в ходе деловых и научных контактов лиц на конференциях, совещаниях, семинарах, «круглых столах» и т.д.

Следует отметить, что именно эти жанры вызывают определенные сложности.

Необходимо помнить, что характеристиками, необходимыми для реализации целей выступления, к примеру, являются: а) умение использовать в речи риторические вопросы и формулы обращения к слушающим; б) умение использовать формулы речевого общения, оказывающие желаемое для оратора действие на аудиторию; в) умение адекватно использовать латинизмы и заимствования, частотные для речи специалистов конкретных профилей.

Представляется необходимым продолжать исследования в данном направлении с тем, чтобы научить будущих специалистов преодолевать возникающие трудности и совершенствовать умения публичного выступления.

*Философия***СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ДОВЕРБАЛЬНЫЕ И
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ИСТИНЫ?**

Билалов М.И.

*Дагестанский государственный университет
Махачкала, Россия*

Одним из основных путей возникновения новых истин является непосредственное отражение в сознании человека объективных явлений. Истины могут формироваться и из субъективного мира человека. В нем рационально осознаются субъектом познания, превращаются в открытые истины, эксплицитные и имплицитные феномены, из которых менее всего исследовано имплицитное.

В имплицитном, в этом неявном знании следует дифференцировать истинные образы, которые в свое время были личностными и социализированными знаниями, и те, которые таковыми никогда не были. Объединяя первые под названием *имплицитной истины*, выразим специфику вторых термином *скрытой истины* – такого истинного элемента наличного знания, который к настоящему времени неизвестен никому, даже творцу данного знания. Феномен скрытой истины демонстрируется убе-

дительными примерами – избыточным содержанием абстрактных объектов, неосознаваемыми и невербализуемыми истинами индивидуального сознания и т. п. Проблема скрытой истины не тождественна с герменевтической проблемой, хотя имеет определенное родство с нею. Такого рода истины нельзя смешивать и с неявной информацией дедуктивных наук. Особенно скрытой истины связаны в первую очередь с вопросом о видах ее существования. В «живом» сознании, на наш взгляд, целесообразно выделять невербальную и довербальную истины.

К невербальной скрытой истине логично отнести истины, которые в принципе не могут быть выражены в языке. Бытие их бесспорно. У Полани невербальность оказывается специфической даже всего неявного знания, сводимого им, по существу, к навыкам и умениям, неотъемлемым от коммуникативной деятельности людей¹. Безусловно, такой гипертрофированный подход сужает сферу неявного знания, имплицитной и скрытой истины. В «живом» знании реальны и такие духовные образования, которые опреде-

¹ См.: Полани М. Личностное знание. М., 1985.

ленное время могут пребывать в предвербальном, точнее, довербальном состоянии. Наличие довербальной фазы истинных интуитивных результатов творчества показывают экспериментально – психологические исследования проблем онтогенеза поведения детей и хода решения творческих задач развитыми людьми. Косвенным подтверждением тому, учитывая единство онто- и филогенеза в познавательной деятельности, является известный вывод о практическом познании, осуществляемого вне и до овладения языком, сделанный на основе собранных и обобщенных Ж. Пиаже материалов о сенсомоторном интеллекте.

Предлагаемые здесь дефиниции скрытой истины и ее форм, разумеется, должны рассматриваться в качестве рабочих гипотез: мы можем дать ряд самых общих признаков, не требующих обстоятельных обоснований. Скрытая истина имманентно присуща сознанию, содержится в структуре неявного знания. Она результат инстинктивной, неинтенциональной, не планируемой, периферийной деятельности сознания. В силу этого, хотя будучи не осознанной и не подвергнутой непосредственному анализу и проверке, она, тем не менее, выступает вполне реальной, первоначальной познавательной формой, соответствующей таким усилиям субъекта, которые могут считаться самыми первыми шагами по пути получения истинного знания. Здесь нелишне вспомнить, что согласно одному из постулатов фрейдизма, каждый психический акт начинается как бессознательный, и как знать, не являются ли законы бессознательной деятельности более фундаментальными, чем общеизвестные закономерности познания? Может в этих иррациональных началах познания и кроются тайны получения истинного знания, подвергнутые осмыслению в платоновском анамнесисе, декартовском нативизме, кантовском априоризме...?

Процесс творчества, его основные этапы – открытие и обоснование, не могут не включать в качестве вектора познания рационализацию латентных, внешне не проявляющих своих функций, неосознаваемых частей неявного знания. Процесс рационализации состоит из усмотрения, вычленения, словесно-понятийного оформления скрытой истины, а затем, после образования открытой истины, понимания, объяснения и обоснования, состоящих из мыслительных и практических действий и перерастающих в гносеологическую рефлексию. Ее рациональный как по средствам, так и по целям характер в данном познавательном случае – весомое свидетельство о разумном, а не мистическом пути постижения

истины и помогает, в то же время, воссоздать более полный образ субъекта, не как рационализованного, но полнокровного и деятельного человека¹. И только так можно понять, что в знании от объекта, а что от субъекта, меру в нем когнитивного и ценностного, рационального и иррационального и т. п.

Знание, еще не обособленное от субъекта – сложное образование, единство логического и психологического. Оно не просто система знаков и образов, но и плюс субъективные потенции, элементы воли, внимания, узнавания, различения и т. д. Причем, психологическая сторона – это своеобразный, хотя и необходимый фон, формирующийся как в процессе открытия истины, так и в зависимости от рациональной аргументации адекватности знания. Психологическое переживание состоит из нерациональных и иррациональных, интуитивных, эмпатийных актов усмотрения смысла, оценки, эмоционального сочувствия и т. п., накапливаемых с самого начала образования соответствия человеческих представлений предмету познания. При этом иррациональное концентрируется в бессознательных актах становления невербальных и довербальных истин. В актах переживания обязательны гностические эмоции по поводу личностного смысла значений истин, в том числе, его когнитивного аспекта. Акты понимания и объяснения рефлексии, способствующие осознанию адекватности образа прообразу, в целом не рационализируют все нерациональные элементы познавательной формы, в ней всегда сохраняются определенные субъективные установки, достаточно значим объем иррационального, образующие эмоционально – психологический аспект. Таков, на наш взгляд, тот фрагмент, включающий образование невербальных и довербальных истин, и дополняющий более или менее полную картину познания истины.

В ОБХОД ЭЙНШТЕЙНА

Дегтярева Е.Р., Юшкевич Р.С., Куликова И.Ю.

Релятивистская теория в 20 в. прочно завоевала свои позиции. В науке смирились с тем, что основные величины механики масса, длина и время стали относительными, зависящими от скорости. Вместе с тем тщательно охраняемые эталоны единиц их измерения также стали относительными.

¹ См. об этом: Микешина Л.А. Интерпретация как фундаментальная операция познания // Эпистемология и философия науки. №3, т. XVII, 2008. С.5-13.